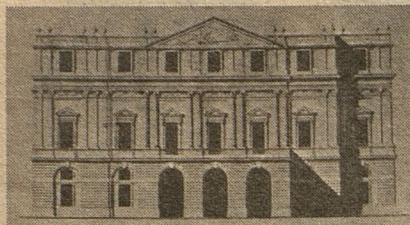

Экран и сцена: 1991-1992 (№ 50) - с. 14-15.

— Об открытии сезона в «Ла Скала» принято говорить как о каком-то светском событии. А ведь на самом-то деле надо бы прежде всего отдать дань музыке. Которой так много в опере «Парсифаль», открывающей сезон, — целое море!

С этих слов начал наш разговор Риккардо Мути, знаменитый директор знаменитейшей оперной сцены мира, предвосхитив тем самым любую возможность полемики. Он ставит «Парсифаль». Пять часов идет опера Вагнера, петь ее будут по-немецки, и полемика возникнет, какие могут быть сомнения! Можно даже предвосхитить основную тему споров: что лучше в опере — «когда легко или когда трудно», традиции или новое, «высокая» музыка или развлекательная? Ответы Мути — в его работе. Он не любит объясняться, он говорит с публикой с высоты режиссерского пульта. В последнее время — со сцены «Ла Скала».

Чтобы отдать все силы миланскому театру, Мути оставил очень почетную должность музыкального директора Симфонического оркестра Филадельфии. И согласился до 1997 года продлить свой «мандат» музыкального директора в театре, который был в свое время храмом Верди и Тосканини. У Мути большие планы. Много работы с хором и оркестром, много надо сделать, чтобы расширить репертуар, просто необходимо поискать новые голоса (ведь вот «нашли» Тициану Фаббриччини, которая с таким успехом дебютировала в прошлом году в «Травиате»).

Вот афиша театра «Ла Скала» в наступающем сезоне: кроме «Парсифаля» еще четыре музыкальных

Риккардо Мути, известнейший дирижер, является еще и музыкальным директором итальянской «Ла Скала». Сезон на этой знаменитейшей оперной сцене мира начинается в декабре. И потому у Мути в последние недели было очень много работы. О чем он и рассказывает в интервью, опубликованном на страницах еженедельника «Панорама».

Что нового в «Ла Скала»?

Риккардо Мути открывает очередной сезон

«события»: «Реквием» Моцарта, «Sabat mater» Россини, «Ифигения в Тавриде» Глюка, «Дева озера» Россини и снова — «Травиата», поставленная в прошлом году Лилианой Кавани и имевшая такой большой успех.

И, наконец, он решил довести до конца реализацию проекта «Ла Гранде Скала». Автор проекта — один из администраторов театра — Карло Фонтана. Проектируется создание трех сцен, — для того, чтобы ставить в театре одновременно две оперы.

Но мы отвлеклись от нашего разговора с Риккардо Мути. Он все-таки решил дать нам интервью. Говорит великий дирижер так же, как и дирижирует — с напором, жаром, энергией.

— Пять часов пения на немецком языке... Как воспримет это светская публика, которая заполняет зал во время премьерных спектаклей?

— Надеюсь, что публика придет, чтобы слушать. Да, пять часов «по-немецки», но ведь музыка необыкновенная!

— Вы уверены в правильности вашего выбора?

— Дебюсси говорил: «Парсифаль» — это кафедральный собор в музыке. И потом, я вовсе не думаю, что мне так уж надо защищать господина Вагнера и особенно это его произведение, явно отмеченное творческой зрелостью композитора. Я всегда восхищался этим шедевром, тоже воспринимал его как своеобразный храм музыки, пока наконец-то не отважился войти в него.

— А почему именно сейчас? Значит ли это, что вы только теперь нашли к нему ключ?

— «Парсифаль» отличается необыкновенной симфонической и гармонической структурой. Это мощный поток, который увлекает слушателя, несет ему

идею очищения, влечет его к торжеству почти мистического восторга, экстаза. Произведение высочайшей духовности, «Парсифаль» требует от исполнителя напряжения всех его способностей, целиком поглощает всю его личность. Да, только сейчас я почувствовал, что в состоянии взяться за это сочинение, только сейчас, после долгих лет работы с другими авторами. Именно они дали мне столь необходимый ключ.

— Не превратится ли Мути в интерпретатора произведений Рихарда Вагнера?

— Мы живем в эпоху торжества супермаркетов, на все, что у нас есть, на все, что мы создаем, неизменно и немедленно приклеивается соответствующая этикетка... Поэтому прогнозы преждевременны. Это очень печально. Лично я хотел бы продолжить работу над произведениями этого композитора. Хотя

САЛОН

бы потому, что в репертуаре «Ла Скала», как и многих других престижных театров, непременно должны быть сочинения Вагнера. После 1995 года хотел бы сосредоточить внимание на тетралогии «Кольцо нибелунга».

— **Мути—Тосканини...** Возможно ли такое сравнение, хотя бы в плане репертуара, с одним из ваших духовных учителей?

— Да нет, я бы не сказал, что такое возможно. Хотя я стараюсь следовать тому, что хотел осуществить Тосканини. Он произвел революцию на оперной сцене. Он старался убедить публику в том, что опера — не просто развлечение, что в опере самое главное — музыка.

— **В прошлом году «Ла Скала» возобновила постановку «Травиаты», и Риккардо Мути «открыл» всем новое имя — Тицианы Фаббричини: будут ли такие же «открытия» и в этом сезоне?**

— Операция «Травиата» удалась потому, что публика почувствовала, какая работа была проделана с молодежью — ведь мы репетировали целых сорок дней! Да, я хотел бы повторить этот опыт.

— **Возвышенная духовность оперы «Парсифаль» и «серьезный» Россини в «Деве озера». Вы видите здесь какие-то точки соприкосновения?**

— Как сказать. Дело в том, что, по-моему, было просто необходимо включить в репертуар театра «серьезного» Россини — ведь в этом году исполняется двести лет со дня рождения композитора. Выбор «Девы озера» мне показался удачным, особенно я рассчитываю на работу с режиссером Вернером Герцогом.

— **Это прекрасный режиссер, но с трудным характером.**

— Я работал со многими «трудными» режиссерами, начиная с Луки Ронкони. Для меня самое главное, чтобы у режиссера было воображение, чтобы он мог дать мне дополнительный стимул для творчества, наконец, чтобы он не посягал на святая святых — музыку.

— **Вы покинули филладельфийский оркестр, «чтобы иметь больше свободного времени». А для чего?**

— Существует столько партитур, которые только и ждут, чтобы их вытащили на свет божий. Они — честь итальянской музыкальной культуры.

— **Имена, маэстро...**

— Керубини, Спотини, Перголези и вся неаполитанская школа восемнадцатого века. Там надо искать наши музыкальные корни — и не только наши.

— **Словом, неаполитанец Мути, «гражданин мира», художник мировой известности, возвращается в свой родной город.**

— Неаполитанская опера — это опера молодых, ей нужны жизненная сила, радость, юношеская свежесть, энтузиазм. Мне пятьдесят, я не могу больше откладывать.

— **Если бы вы не были дирижером, кем бы вы хотели быть или кем бы вы стали?**

— Когда в театре гаснет свет и я оставляю на пюпитре мою дирижерскую палочку, во мне как бы просыпается «обыкновенный» Мути, тот человек, детство которого прошло между Неаполем и местечком Молфеттой. Ведь я пришел к профессии дирижера поздно — начал учиться только в двадцать лет. И тот, другой Мути, очень любит веселиться, кататься на велосипеде, на лодке. И читать.

— **Есть ли какая-нибудь опера или какой-нибудь автор, который вам наиболее близок?**

— Вот уже девять лет я дирижирую оперой «Так поступают все» Моцарта. И чувствую, что в ней заключено все — человеческие слабости, желания, раскаяния, ложь. И я чувствую, что именно в этой опере Мути-музыкант и Мути-человек гармонично сливаются — во имя высокой музыки. Потому что музыка — это театр жизни.

Перевела с итальянского
Марина АРКАДЬЕВА.